

П. А. Попов

ПЛОЩАДЬ ПЯТИ ВЕКОВ

Воронежцы привычно связывают Университетскую площадь с главным корпусом ВГУ, другими зданиями XIX и XX веков, остановками автобусов, троллейбусов и «маршруток», с соседним рядом киосков. К сожалению, лишь изредка мы вспоминаем о том, что эта площадь — самая старая в Воронеже, что наш город зарождался на тех улочках, что круто уводят от площади вниз, к водохранилищу. Уйдите от суеты в этот почти былинный, средневековый мир, почувствуйте, как в нем каждый холм и каждый камень дышат историей.

425 лет назад на живописные холмы реки Воронеж прибыли воеводы Семен Сабуров, Иван Мясной и Василий Биркин со строителями — плотниками, стрельцами, казаками и пушкарями, присланными из других городов. Точная дата основания города до сих пор не установлена, но есть все основания полагать, что его закладка состоялась зимой 1585—1586 годов, а весной 1586 года, когда сошел снег, развернулись основные строительные работы. Вероятно, не случайно первый городской собор был посвящен Благовещению Пресвятой Богородицы. Скорее всего, в день Благовещения — 7 апреля, или 25 марта по старому стилю — храм был уже завершен и освящен и можно было говорить о начале жизни города. В целом в течение нескольких месяцев был создан важный стратегический пункт — деревянная военная крепость, поднявшаяся над рекой. На подступах к городу появились дозорные вышки, откуда в степь высыпалась бдительная охрана.

В 1590 году отряд «черкас» — украинцев, находившихся на службе у польско-литовского государства, — обманным путем проник в нашу крепость, заявив, будто бы вместе хочет сражаться против татар. А ночью обманщики подожгли Воронеж, убили воеводу — князя Ивана Долгорукова — и многих других воинов. К счастью, город не прекратил своего существования. В 1594 году под руководством

опытного русского «горододельца» Ильи Катеринина началось сооружение более обширной крепости, с высокими стенами и башнями.

В общих чертах исследователями изучена крепость конца XVI и XVII века, поскольку найдено несколько ее описаний. Самое первое имеется в так называемой «Дозорной книге» 1615 года, составленной группой московских писцов под руководством Г. Киреевского (в ней же перечислены 964 взрослых мужчины-воронежца). Но более ранних описаний города нет, и поэтому топография крепости, которая была до 1590 года, во многом остается тайной. Однако, на мой взгляд, ответить на вопрос, где был основан Воронеж, все-таки можно.

В свое время на этот вопрос уже пытался ответить профессор Владимир Загоровский (1925—1994), замечательный знаток истории XVI и XVII веков, влюбленный в «истинный» крепостной город и настойчиво отвергавший «дилетантский», ненаучный подход к изучению Воронежа. Сперва Владимир Павлович размешал крепость 1585—1586 годов в начале спуска современной улицы Володарского — на той горе, где в следующем XVII веке

Воронеж XVII века с юго-восточной стороны.

Рисунок-реконструкция В. П. Трофимова,
1920-е годы

была наиболее укрепленная часть Воронежа. Впоследствии он изменил свою точку зрения, выдвинул еще одно предположение. В поздних статьях и книгах указывал другой, соседний, холм, где за главным корпусом ВГУ, на средневековой улице Севастьяновский съезд (в прошлом — Ильинский съезд) стоит Ильинская церковь и где берет начало улица Шевченко. Историк обратил более пристальное внимание на текст «Дозорной книги» 1615 года, сообщающий об Ильинской церкви — в ту пору еще деревянной, не кирпичной: «...к церкви к Пророку Илье да к Великим Мученикам Фронту и Лавру, что на посаде на Старом городище...».

Что такое «Старое городище»? Заглавную букву поставили публикаторы документа в XIX веке, а в подлиннике документа городище было просто «старым». Тот же Загоровский убедительно показал, что эпитет «старое» перед названием городища употреблялся «только тогда, когда название городища совпадало с именем находившегося на этом месте прежнего города и когда населению было известно имя этого города» (книга «О древнем Воронеже и слове “Воронеж”», 1977). В «Дозорной книге» названия городища нет вообще, но, очевидно, оно и не требовалось, т. к. весь документ посвящен Воронежу. И поэтому вполне закономерно предположение профессора, что «старое городище» — это, скорее всего, город, основанный в 1585 году и спустя пять лет сгоревший.

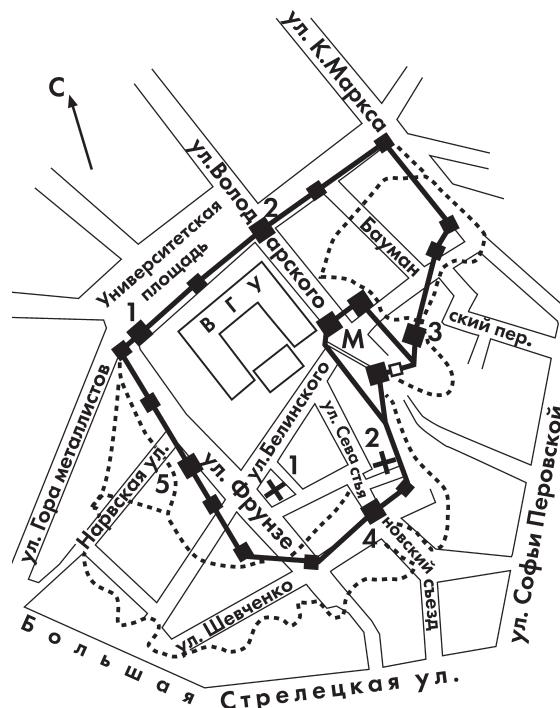
Ильинской церкви, как видим, «выпала честь» указывать на место легендарного городища. Но можно ли отождествлять расположение деревянного и кирпичного храмов? Оказывается, нет — и сегодня Загоровского приходится поправлять.

Вчитываясь внимательнее в другие страницы «Дозорной книги», обнаруживаем, что деревянная предшественница — церковь многочисленных полковых казаков — находилась ближе к Стрелецкой слободе, а та располагалась в верхней части Стрелецкого лога. Даже ближайшие к церкви крепостные ворота именовались Стрелецкими. Еще более определенное указание содержится в описании Воронежа 1642 года: «А против Стрелецких Ильинских ворот...».

Лучше всего проясняет ситуацию чертеж города 1690 года — самый ранний из дошедших до нас рисунков крепости. Чертеж примитивный, но он очень удачно показывает ориентировку всех городских объектов относительно друг друга. В районе нынешней улицы Фрунзе и современной кирпичной Спасской цер-

кви, построенной в XVIII веке, изображены две деревянные церкви, близко друг от друга. Выше — предшественница Спасской церкви, «церковь Николая». Ниже — предтеча Ильинского храма, нарисованная примерно между улицами Шевченко и Белинского. Если бы мы стали лицом к реке, то эта церковь оказалась бы по правую сторону от бывшего Ильинского съезда, а не по левую, не там, где нынешний храм, не на том выступе холмов! Правда, описываемая церковь обозначена на чертеже не как Ильинская, а как «церковь Троицы», но известно, что после перестройки конца 1630-х — начала 1640-х годов Ильинскую церковь официально именовали иначе.

В 1760-х годах начали возводить нынешний каменный Ильинский храм, освященный в 1770 году. Разницу в местоположении новой и старой постройки зафиксировал и первый краевед Воронежа Е. А. Болховитинов (1767—1837), родившийся как раз в семье священни-

Примерное расположение крепости по данным 1670 года.

Реконструкция Павла Попова.

Жирными линиями показаны крепостные стены, квадратиками — места, на которых стояли известные по документам башни. Цифрами обозначены следующие проезжие башни, располагавшиеся между внешних стен крепости: 1 — Пятницкая, 2 — Московская, 3 — Затинная, 4 — Ильинская, 5 — Никольская. М — «Малый городок». Точечные линии означают перепады рельефа, мало изменившегося после XVII века. Планировка и названия улиц — современные. Крестиками показаны нынешние церкви: 1 — Спасская, 2 — Ильинская

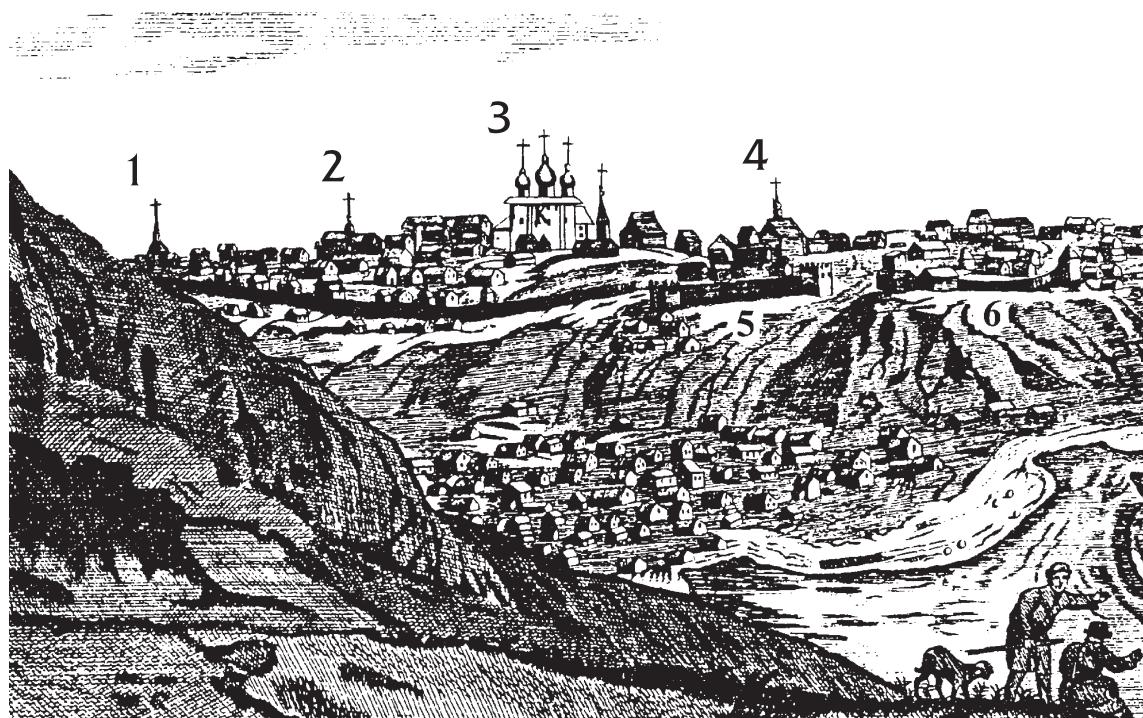
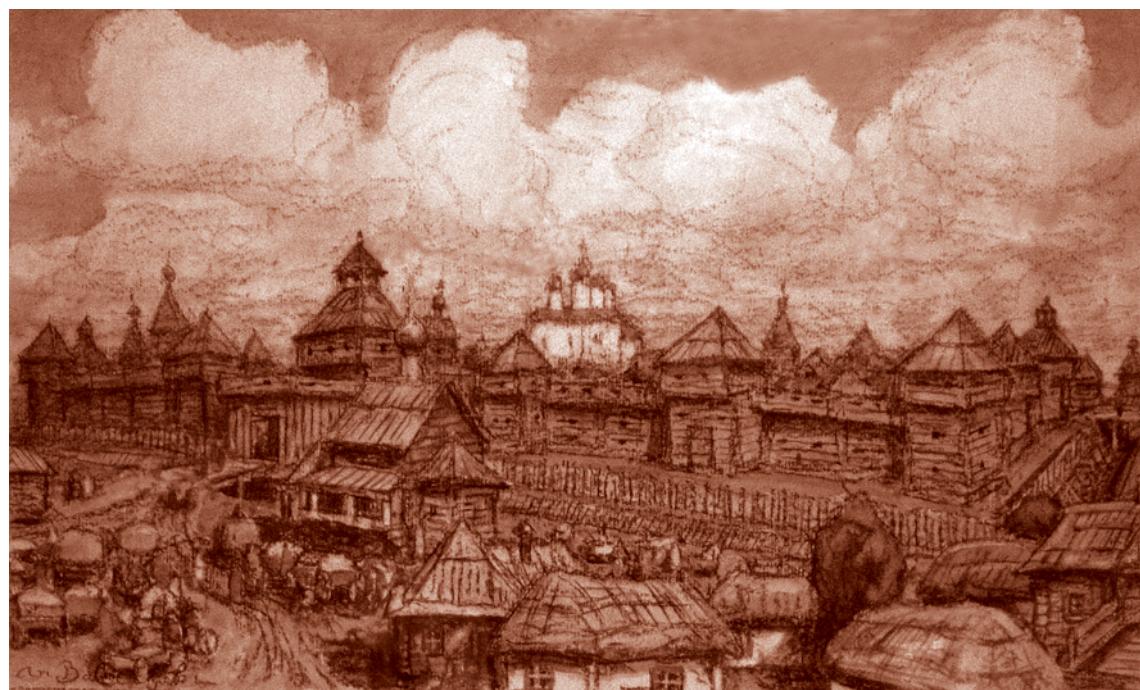

Рисунок путешественника К. де Бруина, показывающий самую старую часть города. 1703 год.

Обозначения автора статьи: 1 — деревянная предшественница Ильинской церкви в районе нынешней ул. Фрунзе; 2 — деревянная предшественница Спасской церкви; 3 — кирпичный Благовещенский собор на месте главного корпуса ВГУ; 4 — деревянная предшественница Вознесенской церкви в районе современной ул. Володарского; 5 — гора между оврагом нынешнего Севастьяновского съезда (слева) и оврагом улицы Володарского (справа), где наверху теперь стоит кирпичная Ильинская церковь; 6 — гора между оврагами теперешних ул. Володарского и Бауманского пер., где стоят дома № 26, 28, 30 по ул. Володарского

А. М. Васнецов. Вероятный вид Воронежа с московской стороны в XVII веке. Эскиз 1920-х годов.

Воронежский областной краеведческий музей. Репродукция Павла Попова

ка Ильинской церкви. По его словам, старая деревянная церковь стояла «с правой стороны нынешней, над горою». А после Болховитина-ва краеведы XIX века обнаружили в документах XVII столетия слова «Ильинский погост» и предположили, что Ильинская церковь была кладбищенской. В этом случае понятно, зачем требовалась такая «дополнительная» церковь, стоявшая очень близко к соседней, Никольской. Впоследствии для Ильинской подобрали более удобное место, отдалили ее. Спасскую же церковь при перестройке в камне перенесли чуть ниже, ближе к тому месту, где была Ильинская (тоже для удобства, чтобы не было помех архиерейскому подворью).

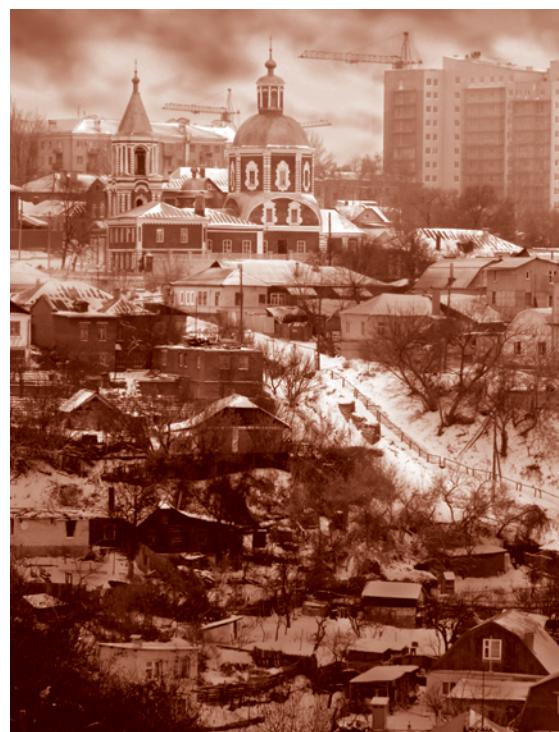
Таким образом, на «Старое городище» давно указывает не Ильинская, а Спасская церковь. И территорию первого города нельзя ограничивать небольшой горкой, на которой возвышается теперешний Ильинский храм. «Старое городище» — это более обширная местность, весь тот холм, где к краю возвышенности приближается улица Фрунзе, где она пересекается с улицами Шевченко, Белинского; с боковой западной ветвью Севастьяновского съезда, подходящей к нынешней Спасской церкви. Это то нагорное плато, которое ограничено и береговым обрывом, и глубоким Стрелецким логом — еще одной преградой для врага.

В 1590-е годы Воронеж восстановили на тех же самых кручах, только самые значимые

здания поставили не на старом месте, не на пепелище, а рядом с ним. И далее продолжается история крепостного города, более близкого для нас — ведь многие уникальные топографические ориентиры XVII века сохранились доныне. В начале XVII века крепость состояла из «рубленого города», или просто «города» (наиболее укрепленной части, имевшей стены из соединенных срубов), и «острога» (территории, обнесенной вертикально вкопанными бревнами). «Рубленый город» стоял на краю холма в начале современной улицы Володарского; в нагорной местности его окружала более пространная территория «острога», которая захватывала соседние улицы и нынешнюю Университетскую площадь.

В XVII столетии крепостные стены не раз подвергались перестройке. В середине века все они (и «городские», и «острожные») имели вид «острога». В 1670 году, наоборот, их полностью заменили «рублеными», в результате чего Воронеж получил два сильных укрепления. Территорию бывшего «рубленого города» теперь уже называли «Малым городом», или «Малым городком», а площадь прежнего острога стала «Большим городом».

Некоторые краеведы считают, что «Старое городище» оставалось от более ранних, летописных времен. Что ж, тем более интересными обещают быть раскопки, которые впервые планируется провести на территории крепо-

Ильинская церковь венчает старейший спуск.

Фото Павла Попова

Спасская церковь. Современный вид.

Фото Павла Попова

сти. Единственно возможное еще незастроенное место — это площадка университетского сквера, прилегающая к Спасской церкви. Как видим, этот раскоп очень удачно попадет на крепостную территорию не только XVI, но и XVII века.

В 1617 году город окружил огромный польско-литовский отряд. Тогда защитники осажденной крепости одержали заслуженную победу над неприятелем. Они встретили врага дружными пушечными залпами, стреляли из луков, бросали на людей, пытавшихся штурмовать крепость, бревна и камни. И уже на следующий день налетчики обратились в бегство, а воронежцы преследовали их. Так оправдало себя строительство города Воронежа, с этого года надо вести отчет его воинской славы!

Теперь нам пора отправиться в небольшое путешествие по самым интересным «крепостным» местам.

Сначала завернем на улицу Володарского, прилегающую к Университетской площади. Горожане до обидного мало вспоминают об этой улице, не почтят ее как «святыю святых» всего Воронежа.

Самый ценный — холмистый, прибрежный отрезок улицы. Над обрывом, там, где ныне однотажные дома № 26, 28, 30, 32, 34 и другие, с конца XVI века высилась главная, наиболее укрепленная часть Воронежа — «рубленый город» (позже его называли «Малым городком»). В районе перекрестка с современной улицей Белинского красовалась главная въездная башня города с воротами, вестовым колоколом и сигнальным артиллерийским орудием. Немного левее въезда стояла угловая башня, пониже ее, среди стены, открывались ворота для спуска к реке, а в задней части города — в районе нынешнего дома № 28 — гордо поднималась над высокой горой Тайницкая башня: от нее вел тайник к приречным родникам, к питьевой воде.

По данным «Дозорной книги» 1615 года, в то время внутри небольшого «рубленого города» стояла Благовещенская соборная церковь (впоследствии она не раз перестраивалась и была перенесена повыше). Там же находились Съезжая изба (резиденция воеводы), здания с артиллерийскими орудиями («пищалями») и боеприпасами, две житницы с хлебными запасами. Сам облик города свидетельствовал о приоритетах его жителей, о вере в Бога, о готовности к осаде.

Другая территория крепости («острог») захватывала и возвышенный участок улицы Володарского. В XVII веке здесь уже проходила улица, причем самая главная, крупная — важ-

нейшая из двух улиц, которые в «Дозорной книге» названы Большими. По ней въезжали в город со стороны Москвы — и в те ворота, что открывались в башне самого раннего «рубленого города», и в более поздние Московские ворота, во второй половине XVII века находившиеся у пересечения с теперешней улицей Таранченко. На этой же улице были главные торговые места с рядами лавок. Характерно, что во всех старорусских городах возле передних крепостных стен устраивались торги.

Судя по чертежу 1690 года, большое соединение лавок наблюдалось на участке улицы, ныне расположенным между улицами Таранченко и Кости Стрелюка. Многие лавки вынесли сюда, за крепостные стены, в связи с учреждением в 1682 году епархии: внутри города высвобождали место под архиерейское подворье. Эта торговая площадь XVII века сохранилась и в следующем столетии. На ней приобретали «знатные» — привозные купеческие товары, в том числе мануфактурные. По словам краеведа позапрошлого века А. Шишкина, в здешних рядах шла торговля кумачом, тафтой, камкой, жемчугом, китайкой и «был самый прилив женского населения, которое выбирало наряды, получало новости, слухи и т. д.».

Важнейшая улица имела особое значение в Петровскую эпоху, в конце XVII и начале XVIII столетия, когда в Воронеже строили первый русский военный флот. По Московскому въезду в город прибывали и сам государь Петр I, и его ближайшее окружение, и мастера-иностранные, и дипломаты, и русский люд, в приказном порядке собранный для кораблестроительных работ. Здесь же везли стройматериалы и корабельные снасти... Именно Воронеж стал при Петре I первым провинциальным городом, обитателей которого принудительно заставляли носить одежду европейского стиля. И это новшество в первую очередь сказалось на быте главной улицы: в торговых рядах стали продавать кафтаны, камзолы и башмаки, сшитые по иноземным образцам.

Прелюбопытно боковое ответвление улицы Володарского, которое заворачивает к Ильинской церкви, выводит к Севастьяновскому (Ильинскому) съезду по соседнему, еще более неприступному со стороны берега, холму. И это не случайно. Описываемая ветвь (с домами № 25—35) идет там, где от «Малого городка» по краю горы тянулась самая длинная крепостная стена XVII века.

Таким образом, сверху мы видим два чуть ли не отвесных обрыва, две пропасти, служившие преградой для неприятеля. Их разделяет овраг — это здесь стекали дождевые и талые

воды, подтачивая возвышенность. На рисунке художника В. П. Трофимова, созданном в 1920-х годах, изображен как раз этот овраг. Рисунок удачно передает дух, мощь, обаяние города-крепости. Думается, однако, что реконструкция несовершена: крепостные стены и башни следовало изобразить не только слева, но справа от лошины, поместить на правом бугре Тайницкую башню.

А вот перед нами Севастьяновский съезд, делающий причудливые изгибы за главным корпусом ВГУ. До 1928 года улица называлась Ильинским съездом. Это название сразу переносит нас в далекий XVII век и сообщает уже не о каком-либо легендарном месте, а о реальной самой старой улице, сохранившейся в современном городе. Вблизи Ильинской крепостной башни, недалеко от деревянной Ильинской церкви, шумел Воеводский двор. Через ворота той же башни шла дорога из крепости к реке.

Наряду с нынешней улицей Володарского, Севастьяновский съезд — это частица двух самых больших улиц крепостного города. Внутри крепости улицы шли наискосок, соединяясь друг с другом под острым углом, и затем общая дорога подходила к задней Ильинской башне. Таким образом, планировка улиц напоминала неправильную латинскую букву «Y», зафиксированную на чертеже Воронежа 1690 года. Но если основная часть улицы Володарского — теперь уже расширенная, застроенная большими домами — мало напоминает средневековый город, то Севастьяновский съезд во многом сохранил самые ранние черты. Приближаясь к краю холма, улица по-прежнему отступает вправо. Другой такой внутрикрепостной улицы конца XVI и XVII веков сегодня в городе не осталось, она уникальна.

Видимо, и царь Петр I, и первый воронежский епископ, знаменитый святитель-чудотворец Митрофан пользовались именно этим спуском, когда направлялись к реке — в район кораблестроения, или поднимались оттуда на верх — к главному городскому Благовещенскому собору.

В 1699 году (по другим данным, в 1700-м) году государь велел Митрофану явиться в свой дворец. Про этот визит сложено предание, вошедшее в «Житие Святителя Митрофана». Святитель тотчас же отправился под гору пешком. Но перед дворцом увидел статуи обнаженных греческих богов и богинь. Повернувшись, он отправился обратно в гору. Вслед ему отправился царский гонец со вторичным приказанием явиться.

— Пока государь не прикажет снять иолов, соблазняющих весь народ, я не могу войти во дворец, — будто бы молвил Митрофан.

Разгневанный царь передал, что за ослушание епископ «подвергнет себя смертной казни». Но вечером Петр услышал вдруг благовест в большой соборный колокол.

— Понеже мне от его величества сказана смерть, — отвечал епископ, — то я должен испросить прощение своих грехов соборным молением и назначил всенощное бдение!

Рассмеялся Петр. Отправил наверх очередного гонца, велел передать Митрофану, что прощает его. И убрал крамольные статуи...

Давно исчез с карты города старый собор. Но высокий холм до сих пор украшен нарядным Ильинским храмом, возведенным в 1767—1770 годах. О нем я уже сообщал. Остается добавить, что храм, возведенный в формах русского барокко, имеет и огромную архитектурную, и большую историческую ценность. В тот год, когда началось сооружение каменной церкви взамен деревянной, в семье здешнего священника родился Е. А. Болховитинов, будущий митрополит Киевский и Галицкий. А в 1809 году в церкви крестили поэта А. В. Кольцова.

В 1872 году приняли решение направить по Ильинской улице окрестные потоки сточных вод, а для защиты зданий и удобства проезда — возвести на всем протяжении оврага подпорные стены и замостить съезд до самого низу. Проектные наработки выполнил Марцеллий Викентьевич Богданович — первый в истории городской управы архитектор. По узкому желобу с кирпичными стенами и булыжным «дном» понеслись дождевые воды, а при хорошей погоде стали спускаться к реке лошадиные повозки. Именно тогда в названии улицы появилось слово «съезд». И этот замечательный символ улицы — «желоб»-съезд, сверху донизу овеянный дыханием прошлого, — «дожил» до наших дней. Он охраняется государством как памятник градостроительства.

В 1928 году Ильинский съезд переименовали в память о Науме Севастьянове — воронежце, казненном в 1670 году за связь с повстанческим движением Степана Разина. Его схватили в городе, отсекли ему левую руку и правую ногу. Как ни жаль несчастного горожанина, но желание стереть с карты города «религиозные» погубили один из самых изначальных городских топонимов. И только на рубеже XX и XXI веков началось возрождение улицы благодаря стараниям общественности и настойчивости верующих людей, живущих в

этом районе. В 2000 году, в Ильин день, митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий вновь освятил Ильинский храм. В 2002 году администрация города, взяв за основу проект комиссии по культурному наследию, решила реставрировать название «Ильинский съезд» (указать его на табличках). В 2003 году администрация Ленинского района приступила к расчистке и благоустройству заваленного «желоба», а в нынешнем 2011 году работы возобновились.

Археологи только что провели раскопки в доме № 24 по Севастьяновскому съезду, предназначенному под снос. В конце 1980-х годов автор этой статьи впервые обследовал здешний подвал и выкопал в нем горшки XVI—XVII веков. Ныне прежнее предположение полностью подтвердилось: найдены остатки жилища одного из первых воронежцев с печью и керамикой.

Проследовав далее через улицу Фрунзе, замыкаем большой «исторический круг» и вновь попадаем на Университетскую площадь.

В XVII столетии это было торговое место возле передних стен деревянной крепости. И хотя основные ряды лавок располагались на линии нынешней улицы Володарского, площадь выполняла большую роль. Возле главных городских ворот, на свободном от лавок пространстве, совершались молебны во время крестных ходов, а в торговые дни открывались большие базары — хлебный и дровяной.

Главным лицом города была юго-восточная сторона площади. Тот, кто прибывал в Воронеж со стороны Москвы или из-за Дона, по Девицкой дороге, сразу понимал, что попадал на подступы к хорошо защищенному населенному пункту.

Судя по документам — «строенным книгам» 1670 и 1676 годов — передние стены крепости, выходившие на линию площади, выглядели очень внушительно. Они были двухрядными, срубными. В «строенных книгах» конструкция стен названа «торасами» («тарасами»). Каждая такая «тораса», т. е. сруб, стенная ячейка, состояла из дубовых бревен, скрепленных «в четыре угла в замок и в черту». Над основными срубами были еще «обламы», выступавшие вперед. Под «обламами» оставляли щели, из которых было удобно поражать противника, вплотную приблизившегося к стене. Двухскатный верх «облама» покрывали тесом, и вместе с ним высота стен была почти четырехсаженной — такой, как у большого двухэтажного дома. Еще большая мощь исходила от башен, наделенных шатровой кровлей. На лицевую сторону крепости были обращены две круп-

ные проезжие башни: Пятницкая и Московская, каждая из которых поднималась в высоту на 10 саженей (более 21 м).

В XVIII веке не стало крепости, однако духовный центр города с главным городским Благовещенским собором сохранился там, где стоит главный корпус ВГУ. По проекту, разработанному в 1780-х годах выдающимся российским зодчим Джакомо Кваренги, здесь был создан архитектурный ансамбль архиерейского подворья. Четырехъярусная колокольня со шпилем стала самым высоким сооружением города. Это место и эта площадь помнят все самые значительные события в жизни Воронежа и губернии — и трагические, и радостные.

Много десятилетий, вплоть до разгула воинствующего безбожия в конце 1920-х — начале 1930-х годов, Воронеж не мыслил своей жизни без имени святителя Митрофана (в литературе часто встречается неточное написание «Митрофаний»).

В 1832 году в архиерейском подворье проходило открытие мощей святителя Митрофана. Сюда собралось из различных губерний до 50 тысяч почитателей новоявленного угодника Божьего. Уже с утра свершилось чудо — исчезло ненастье, и солнце заиграло своими лучами на хоругвях и иконах... При непрерывном пении «Господи, помилуй» моши святителя Митрофана медленно подняли на лентионах из склепа, где они покоились почти 129 лет. По легенде, после торжественного вынесения мощей на площадь народ испытал многие чудеса — одни избавились от немоты, другие — от язв, третьи — от нервных припадков. С 1836 года в прежних архиерейских постройках — как раз на месте ВГУ — разместился Митрофановский монастырь. Благодаря своей реликвии он быстро превратился в важнейший духовный и общественный центр города. Более того, моши святителя неизменно привлекали в Воронеж паломников из многих губерний России. Площадь также стали называть Митрофановской.

Все люди, посещавшие Воронеж, вплоть до российских императоров, первым делом шли на поклон к Митрофанду. Все гласные, избранные или переизбранные в городскую Думу, принимали в монастыре присягу. Все самые значительные события в жизни Воронежа и губернии — и трагические, и радостные — сопровождались богослужениями в монастыре. Мольбы и клятвы, обращенные к Митрофанду, — неотъемлемая частица городского быта.

В особо торжественных случаях было задействовано все пространство Митрофа-

*Митрофановский монастырь со стороны Митрофановской площади.
Открытика конца XIX — начала XX века*

новской площади. Так, в день празднования 300-летия Воронежа, 11 мая 1886 года, 141-й Можайский полк с утра занял площадь. За Божественной литургией, совершенной в соборе в присутствии губернского и городского начальства, последовали крестный ход вокруг монастыря, благодарственное молебствие на площади и марш войск...

6 декабря 1914 года: толпы народа запрудили и площадь, и все прилегающие улицы. На автомобиле, арендованном городской управой, в монастырь приехал с железнодорожной станции последний российский император Николай II. Воронеж украшен множеством флагов, лент, разноцветных огней. Но императору не до празднеств: идет война, и поэтому он не при параде, а в обычновенной шинели... Несколько дней спустя царь приспал в наш город телеграмму: «Искренне благодарю жителей Воронежа за высказанную Мне преданность и благопожелание. Рад был молиться пред Святыми Воронежскими и провести несколько часов среди радушного населения Славного Города. НИКОЛАЙ».

1919 год: совершается кощунство. В монастырь являются воинствующие большевики в сопровождении красноармейцев и чекистов. Оттесняя верующих от раки Святителя, безбожники поднимают моши на штыки, уверяя толпу, что она наблюдает фальшивку, подделку. После образования в 1928 году Централь-

но-Черноземной области новое партийно-советское руководство занимает совершенно непримиримую позицию по отношению к местной религиозной жизни. В 1929 году власти окончательно закрывают монастырь, изымают из собора раку святителя Митрофана.

В дневник забытой русской писательницы Л. А. Авиловой (которую высоко ценил Иван Бунин) внесено письмо-легенда, присланное ей от некоего воронежского знакомого М.Р.Д. «Когда рака с мощами... была вскрыта, на ночь к ней приставили стражу из нескольких солдат-красноармейцев... Чтобы незаметнее скоротать ночь, выташили карты и, усевшись на карточки в кружок, увлеклись игрой... В ту же минуту бесшумно раскрылись царские врата, и святитель Митрофан в полном облачении вышел на амвон». Солдаты бросились «ловить обманщика», но никого не обнаружили, а видение повторилось. «Теперь это видели все, и все подписались под актом, составленным священником, к которому прибежали обезумевшие от страха солдаты. Двое из них сейчас при смерти, в белой горячке...». Конечно, это не исторический источник, а литературное произведение, но оно ярко иллюстрирует, сколь велики были в народе преклонение и даже страх за содеянные грехи перед святителем Митрофаном. После этого знаменитые моши в течение 60 лет хранились в коллекциях музе-

Так выглядело место основания города в начале ХХ века. Митрофановский монастырь, Ильинская и Спасская церкви. Открытка начала ХХ века

*Так выглядит место основания города теперь.
Фото Павла Попова, 2010 год*

ев, пока власть не возвратила их епархии в 1989 году.

Во время Великой Отечественной войны погибли и Благовещенский собор, и величественная колокольня. В 1950-е годы главный корпус крупнейшего вуза города проектировался в мощных классических формах, с парадным шестиколонным портиком. Затем, в годы хрущевской борьбы с излишествами в архитектуре, проект упростили, и в середине 1960-х годов на святом месте завершилось строительство университетского корпуса, лишенного архитектурных «излишеств». Но прежде чем это произошло, город соприкоснулся с тайной подземелем. К счастью, на месте событий оказался художник-краевед А. М. Фролов, который сделал обмеры, зарисовки, записи. Благодаря его материалам, надолго забытым, а недавно вновь обнаруженным, находит подтверждение легенда, казавшаяся невероятной. Из-под бывшего монастырского двора под городом идут подземные ходы в направлении других церквей! «При постройке университета, — сообщал краевед, — подземные ходы были вскрыты на длину 5—7 метров от стен университета, засыпаны щебнем и забетонированы». Оказался уничтоженным и ценнейший культурный слой с монастырским (архиерейским) некрополем, с могилами архиереев. Лишь А. М. Фролову удалось обследовать подземную усыпальницу с беломраморными ступенями и коваными дверями. «В этом месте двор был сильно изрыт воронками, землю покрыли развороченные кирпичи, остатки богатых дубовых гробов... При расчистке земли были найдены гробы, обитые золотой и серебряной парчой, в гробах обнаружены останки покойников в богатых парчовых облачениях; на них были кресты и церковные ордена. В головах покойников стояли бутылки с жидкостью. Они были фигурного литья, с изображениями святых». К счастью, группа верующих воронежцев проявила по тем време-

нам настоящее мужество, добившись захоронения останков архиереев на Коминтерновском кладбище. Наконец, в 1993 году эти останки перенесены в Акатов монастырь, и там установлено надгробие, напоминающее о долгих перипетиях непростой воронежской истории.

Советская застройка середины XX века придала Университетской площади благородный и внушительный вид. Красивые четырех- и пятиэтажные дома обступают ее северо-западную сторону и начало Плехановской улицы. Сохранились и уголки старины: дома на улицах Володарского и Платонова, ныне охраняемые как памятники архитектуры и истории. Жаль, однако, что огромный университетский корпус не только занял священное городское место, но и отгородил центр Воронежа от прибрежных холмов древнего «кремля». Современное здание выходит своими задворками туда, где в XVI—XVII веках рождался город, приижает его значение. А в первом десятилетии XXI века горе-градостроители изуродовали и главный холм, поставив позади ВГУ, возле старых храмов, уродливый многоэтажный жилой дом.

Все же символично, что историческое ядро, где стоял главный храм города, теперь занимает главный же храм науки и просвещения — университет. На мой взгляд, далеко оторваны от реальности и выглядят, скорее, популистскими периодически звучащие предложения снести главный корпус ВГУ и непостижимым образом «воссоздать» Митрофановский монастырь. Зато хорошим подарком для города была бы перестройка университетского здания, приданье ему подобающее величественного вида — с башней и другими благородными деталями: уже есть архитектурный проект, разработанный под руководством заслуженного архитектора России Николая Гуненкова. И только на этой площади, не на какой другой, была бы уместной установка памятника «Основателям города» (или «Основанию города»).

